

НАТАЛЬЯ ДЕСАВИ

ДВОЕ НА
ПЕЧИ,

НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Наталья ДеСави

Двое на печи, не считая собаки

<https://litres.ru/74428744>

Аннотация

Почтенная пенсионерка читает сказку внукам и попадает прямо в нее. Вот только все в ней неправильно: Иван-дурак руководит следственным отделом, печь используется как полицейский транспорт, а щука испортила всю систему с желаниями. Кто поставит весь этот сказочный балаган на место, если не пенсионерка с советской закалкой?

Вот только Алена Александровна теперь в теле Аленушки, которая по сюжету должна утопиться в озере. А ей такой сценарий совсем не нравится. Да и ведьму, заколдовавшую Аленушку в сказке, найти сложно, ведь ведьма в деревне только она сама. Или нет?

Книга пишется в рамках литмоба избушкины сказки:

Содержание

Глава 1	4
Визуалы	12
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	64
Глава 11	69
Глава 12	73
Глава 13	78
Глава 14	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1

– Еще ни разу не видела, чтобы, исполняя мои желания, никто ничего за это не просил.

– Ба, тебе лет-то сколько? Ты в другом веке жила! Сейчас кнопочку нажал – и все твои желания сбылись.

Трое моих внуков сидели в кроватях и никак не хотели засыпать. В отличие от меня. Я широко зевнула, прикрывая рот морщинистой рукой и ответила:

– Только у родителей деньги спишутся с карты.

– Этого же не видно, – не отставали сорванцы, – значит все работает как магия: пожелал, и исполнилось.

– Малы еще! – Я захлопнула «По шучьему веленью» и положила на стол. – Спать!

– Ну ба, – снова разнылись внуки, но со мной не забалуешь. Советское прошлое откладывает свой отпечаток, все строго и без всякого баловства.

– Спать! – цыкнула я и закрыла дверь.

– Вот мне бы такую шуку, – слышала из-за двери.

– А мне бы такого Иванушку-дурачка, – пробормотала, отправляясь в спальню, – прокатил бы на печке последней модели.

После чтения сказок спать всегда хотелось неимоверно, поэтому я заснула сразу как голова коснулась подушки. А что, возраст уже не тот, в пять утра поднимет бессонница

или давление, а потом только вздремнешь, внуки проснутся. Вот только разбудил меня совсем не крик внуков.

– Аленка, подъем! Чего разлеглась на рабочем месте?!

Я аж подскочила, больно ударившись головой о что-то твердое. Давно меня так никто не будил, аж со времен моей работы в столовой военкомата. Я схватилась за голову, села, моргая от боли и злости одновременно.

– Ты чего, оглохла, что ли? – продолжал надрываться голос надо мной. – Бумаги сами себя не перепишут, а скотина сама себя не найдет.

Черные точки перестали бегать перед глазами, я подняла голову и посмотрела на того, кто так нагло решил потревожить сон пенсионерки. И окончательно проснулась.

Передо мной была не моя спальня, не было обоев с ромашками, даже кровати моей не было. А спала я, оказывается, прямо на деревянном столе, сидя на деревянном стуле. Да и мебель оказалась совсем не моя, а какая-то необструганная, простая, без новомодных покрытий. Мутное окно без стеклопакетов, пол без ламината и здоровенный мужик в льняной рубаше навыпуск. И смотрит на меня так, не по-доброму.

– Ты кто? – выдавила я, протирая глаза в надежде, что мне все это снится.

Мужик вытаращился на меня и сделал шаг в мою сторону, нависая всем своим огромным ростом сверху.

– Ты совсем, что ли? Работать надоело, так и скажи, я тебя мигом заменю.

Работать мне никогда не надоедает, пенсия только все испортила. Здесь работу приходилось самой искать. А коли кто сам тебе ее предлагает, так и не надоест. Проморгавшись, я снова посмотрела мужика.

– Так ты кто?

– Иван! – рявкнул тот так, что у меня уши заложило.

Ну вот, сбылась мечта, хотела Ивана найти – нашла.

– Дурачок? – спросила я для убедительности.

– Что?!

То, что глупость спросила, поняла сразу. Нельзя такие вещи мужикам говорить, на своих двух мужьях убедилась. Да вот только рот у меня такой – не закрывается и вранье не говорит.

– Работа где? – быстро решила я тему сменить. С остальным разберемся, главное мужика спровадить подальше.

– Ты, Аленка, не шути так. – Мужик погрозил мне толстым, мясистым пальцем.

Хотела было открыть рот и уточнить, что я вообще-то Алена Александровна, и фамильярности не допущу, поскольку гипертония и трое внуков требуют уважения, но меня нагло перебили.

– О, очнулась. А я уж думал, померла.

На окне сидел ворон и смотрел на меня своими черными

бусинками-глазками. А когда открывал клюв, из него доносились человеческие слова.

– Это ты сказал? – тихо спросила я, хватаясь за сердце одной рукой и второй щипля себя за кожу на руке.

Больно было, но видение не пропадало. Я посмотрела на свои руки: говорят, во сне невозможно их увидеть. Но руки были на месте. Как и остальные части тела. Вот только это все было не мое. На руках ни единой складочки, ни морщинки. Талия тонкая, у меня и молодости такой не было – я кровь с молоком с детства была. И одежда. Вот такой точно в моем гардеробе не было: длинное платье, на ногах валенки, на спинке стула дубленка невыделенная висит. Я подошла к окну, отодвинула ворона в сторону и стала смотреть в морозное отражение, благо узоры весь свет с той стороны перекрыли.

Не я. Однозначно, не я. Светлые волосы, заплетенные в толстую косу, осиная талия, глаза, не подведенные тушью. И лет мне двадцать, не больше. Не, точно не я.

Я подняла руки и наблюдала в отражении, как молодая девица щупает себя за лицо, оттягивает щеки и тянет за косу. Боль чувствую, но не верю, что все это – мое.

– Вовремя ты очнулась, Аленка, – произнес ворон. – А то еще немного полежала, тебя б в холодную и унесли. А то печь не затопила, домой не пошла, так и замерзнуть заживо недолго.

Я посмотрела на свои руки – холодные как лед. Да и ногам

холодно, хоть и в валенках. Отопление у них отключили, что ли? Поежилась и решила разбираться с проблемами по мере их поступления.

– А топить то где у вас? У нас, то есть.

Ворон посмотрел на меня как на ненормальную, но кивнул в дальний угол, где была узкая печка, да пара поленьев. Не велик улов, но работаем с тем, что есть. Я быстро развела огонь и осталась сидеть, грея замерзшие руки и ноги. Все это время за мной внимательно следили две пары глаз – Ивана и ворона. Первым не выдержал Иван.

– Аленка, ты это, не дури. Нормальная же девчонка была. Опять за свое взялась? Люди-то ждут. У Пахома корова пропала, у Феклы дитя плачет и молчит только тогда, когда ты мимо проходишь. А ты тут дрыхнешь. Руки в ноги и работать!

Он развернулся и пошел к двери, на пороге остановившись.

– Только эти свои руки, ноги отогрей сначала. А то прав Ворон, доработаешься до холодной.

Когда дверь закрылась, уже из коридора донеслось:

– Через четверть часа в съезжую избу посадник явится. И если ты снова скажешь, что ничего не знаешь, он тебя уже не пожалеет.

Я поднесла руки ближе к огню, чтобы почувствовать, как он жжется. Точно не сон. Явь самая настоящая. Вот только где я и почему меня называют Аленкой, которая коров долж-

на искать, да старостам что-то объяснять?

– Ну что, ведьма, работаем?

– Не ведьма я, – автоматически открестилась я.

– Это ты ему расскажешь. – Кивнул ворон на дверь. – А мне можешь не врать, я тебя еще с той самой зимы знаю.

– С какой зимы?

Ворон склонил голову и внимательно посмотрел на меня одним своим черным глазом.

– С той самой, что у тебя дар появился с птицами, животными разговаривать.

Дорогие друзья! Книга пишется в рамках Литмоба Избушкины Сказки! Будем рады видеть вас в наших историях! (Все книги 16+)

<https://litnet.com/shrt/4MK1>

Визуалы

Добро пожаловать в мою новую историю.

Среди современных мультиков не забыли еще старые, добрые русские народные сказки?

Пора вспомнить!

Представляю вам основных героев нашей сказки.

Аленка.

Точнее, Алена Александровна, ответственный работник на пенсии и любимая бабушка.

Нынче - попаданка в русские народные сказки.

Гордей

Столичный сыскарь, приехавший расследовать дело государственной важности.

Иван

Брат Аленушки. Нет, не младший, не дурачок, из копытца не пил и Гуси-лебеди его не крали. Старший он брат, да еще двоюродный. И начальник Аленушки.

Баба Яга

Да, и она когда-то была молодая.

Щука

Стерва та еще

Глава 2

С этими новыми знаниями нужно было что-то делать. Теперь я – Аленка, кажись, ведьма, которая точь-в-точь в сказку попала. Осталось только выяснить, что это за сказка. Аленушка была в сказке «Гуси-лебеди», но здесь только ворон, а он ни на гуся, ни на лебедя совсем не тянет. Была еще сказка, где братец Аленушки козленочком стал.

– А у вас козлы есть? – спросила я у ворона. Тот глазками черными моргнул пару раз, да голову склонил, на меня глядя.

– Полно, – честно признался он. – Стряпчий, тот еще рогатый, налогами душит каждый год, да задания придумывает такие, что даже Иванушка наш не справляется всегда. А еще посадник, вот этот рогатая скотина та еще.

– погоди, ухватила я за знакомое имя. Иванушка – мой брат?

Ворона чуть шатнуло, но глазами он больше не хлопал, лишь смотрел на меня подозрительно.

– Совсем обморозилась, да? Голову к огню держи ближе, авось отморозится.

– Значит, брат? Почему тогда он такой старый?

– Старший, потому что! – Ворон перемахнул через комнату и сел мне на плечо, клюнув прямо в темечко. – Двоюродный твой братец, совсем из ума выжила, ведьма?

Я отняла руки от огня и поднялась на ноги. Странные у них тут сказки, непонятные. Надо было срочно понять, где я, потому что с моим багажом знаний пока что я только впро-сак попадала.

– Что-то я переохладилась, прав ты. Может, пока подсо-бишь, поможешь в делах насущных? Что у нас там по плану?

Но планы узнать мне никто не дал, ибо дверь открылась, да так широко, как Иван, начальник мой и брат двоюрод-ный по совместительству, не позволял открывать. Мы с во-роном уставились на дверь и на человека, который в проеме появился.

Высокий, явно хорошо сложен, судя по бугоркам мышц, которые выступали на предплечьях. Одежда дорогая, не чета ни моей, ни Ивана. Да и в целом он сильно выделялся на фоне деревянной избы, в которой мы стояли. Точно не из этой сказки.

– Где местная дознавательница? – Сверкнул он глазами, пробежав по пустой избе и остановившись на мне. И взгляд такой острый, пронзительный, недобрый.

– Ведунья, то есть? – переспросил ворон, потому что у меня от такой наглости и красоты челюсть отвисла и дар речи пропал. От чего больше, не могла сказать, ибо и нагл он был не в меру, аж светился себялюбием. Но и красив был тоже не в меру. Такие только в сказках бывают, да на картинках срамных.

Наглец повернулся к ворону и начал вести диалог с ним,

как с наиболее умным в этой комнате.

– Она. – Ворон ткнул в мою сторону крылом.

Нехотя парень повернулся ко мне уже более внимательно оглядел с ног до головы. Я даже рубашку на груди поправила.

– Ты прикрепляешься ко мне и будешь выполнять все мои приказы до конца выполнения задания.

Тут даже у ворона челюсть отвалилась, если бы таковая была. И поняла я, что дело нечисто, не мой это начальник, да и вообще, чтобы какой-то пенек с горы мне условия ставил?! Не моих это были правилах, да и не в правилах Аленки, я это чувствовала. Поэтому со всей обходительностью и уважением к таким неожиданным высокопоставленным личностям и объяснила, что должностная субординация начинается с представления, да изложения проблемы сей срочной и прошения о помощи местной.

– Да провались ты! – коротко изложила я свою мысль, протискиваясь мимо него к двери.

Парень, видимо, не понял местного диалекта, поэтому решил объяснить свою мысль по-простому. Схватил меня за шиворот, да втащил обратно в избу, приперев спиной к столу и нависнув сверху. Глаза сверкают, в руках, вижу, магия загорается. Красивая такая, зеленая. И в голове моей появляется знание, что не природная это магия, а чародейская. Откуда такое знаю – не знаю. Но чувствую, что против нее нет у меня сил, не победить, не одолеть.

Тогда я хватъ деревяшку, что бумаги придавливала, и

огрела парня по голове. Пошатнулся тот, огонь в руках пропал, и гнев в глазах тоже.

– Ты вообще, кто такой? – спросила я, покачивая полешком в руке.

– Следователь из столицы.

Парень выстоял после полена и теперь смотрел на меня из центра комнаты, потирая ушибленное самолюбие.

– Вы все там с девушками молодыми так обращаться призывали?

Усмехнулся парень, руку от головы убрал, да мне протянул.

– Гордей. А ты, стало быть, Аленка?

– Аленка. – Протянула я руку и пожала. Теплая и сильная у него рука, мужественная.

– Отправили меня сюда по важному делу, Аленка. Начальство сказал, ты здесь многое знаешь, лес Заповедный охраняешь, да деревню не оставляешь. Только не сказали, ведьма ты или лесная ведунья?

А я стою и не знаю. Глазами только в сторону ворона хлопаю, мол, подсказывай.

– И то, и другое, – подсказал друг мой. – Везде недоучка.

– Самоучка, – чуточку исправила я мнение о себе. – А что за дело-то?

Но ответить ему не дали. В избу ворвался мужик, валенками снег нанес, шапку снял, еще снега натресь на пол. Посмотрела я на это безобразие, и руки зачесались правило но-

вое ввести – обувь снимать перед дверью. Или хотя бы коврик положить.

– Госпожа лесная ведьма, – сказал он, отвешивая мне поклон, но тут увидел незнакомца, осекся, выпрямился и уже нормальным тоном произнес: – Госпожа дознаватель, дело такое, корова у меня пропала, со вчера еще. Найти надобно, зима, морозы лютые, замерзнет скотина.

Я вопрошающе посмотрела на ворона, но тот ни подсказки, ни помощи не дал, лишь к окну отвернулся. А вот Гордей этот смотрел даже с интересом. Рукой показал на дверь, да и говорит:

– Я, конечно, не по этому делу, но, давай, госпожа лесная ведунья, дознаватель коровий, показывай свои умения. Посмотрю, за что хвалили тебя в столице.

А я что? Дубленку со стула сняла, на плечи накинула, да и пошла за мужиком. Привел он меня к коровнику, откуда аромат шел – как из детства, когда с бабушкой хозяйство вели. Коровник оказался пуст, зато вокруг следов было много, снега, земли нанесено.

Гордей с мужиком стоят, на меня смотрят. А я и взяться за что не знаю. Ну и взялась за то, что ближе было – за повод, которым коров водят. И провалилась. Словно в прошлое провалилась. Все чувствую – и тепло коровника, и холод, ворвавшийся от открытой двери, да залетевшую поземку. И страх чувствую коровий – не свой за этот повод взялся, чужой.

Глава 3

Я стояла, цепляясь за ту самую веревку, пока мир вокруг не расплылся в водовороте чужих ощущений. Свежее се-но, кисловатый запах навоза, парное молоко на губах и рез-кий, чуждый холод. В нос резко ударил липкий запах, затх-лый, сырой, отдающий прошлогодней гнилью. Я слышала, как мычала корова, упиралась, как мощное ее тело дрожало, и вся сущность боялась. Но сильные руки тащили ее за рога, не давая возможности остановиться.

– В лес ее повели, – выдохнула я, открывая глаза. Ладони покрылись испариной, в висках стучит, перед глазами мош-ки бегают. Все как при гипертонии. Вот только таблеток у меня нет, дома все забыла.

Дети! Тут меня накрыло, вот только не воспоминаниями призрачными, а самыми что ни на есть реальными. У меня же внуки дома остались! А сын уехал, оставив их мне на вы-ходные!

– С тобой все нормально? – почувствовала прикосновение теплой руки к своей, да отдернула резко. Глазами проморга-ла, да уставилась на сыщика столичного.

– Нормально. – Мотнула я головой, хотя нормально ни разу не было. Остается надеяться, что внуков я правильно воспитала: не испугаются, быстро помощь вызовут. У них же телефоны у каждого, чуть ли не по две штуки. – Знаю, куда

идти.

– Ну, вежи, леса хозяйка, – хмыкнул Гордей, выходя из коровника.

На улице уже мялся мужик, держа шапку в руках.

– Кто же это были? Конокрады? Да она ж не лошадь, чтобы под уздцы уводить. Корову на рынке не продашь чужую, все своих знают, вмиг заприметят краденое.

– Да не на продажу ее крали, – сказал Гордей, который позади меня шел. – Корова – это мясо, шкура, молоко на худой конец или приплод будущий. Да и ты ведь не сразу побежал в съезжую избу-то?

Мужик отчего-то замялся, застопорился, да закричал. Я, шедшая впереди, обернулась посмотреть, да в глазах его увидела совсем не то, что хотела. Станные глаза у него были: отводил он их в сторону, на меня не смотрел, на Гордея тем более. Да и шел, словно нога за ногу заплеталась.

– Ты сам продал корову! – озарила меня мысль. – Сам отдал свою скотину. А сейчас жена съела тебя поедом, вот и пришлось тебе идти к нам?

Мужик остановился, глаза в землю опустил, шапку снял, да и топчется на месте, словно в нужник приспичило. Гордей только с усмешкой на меня смотрит, да в стороне стоит, дает самой разобраться. А меня, если не остановить, я ж ведь и разберусь.

– Ты по что скотину живую продал?! – стала я наступать на него. Мужик шаг назад сделал, да на поле мы уже вышли,

за деревню, а там тропка узкая, нехоженная, по бокам сугробы по пояс – отступить ему некуда.

– В карты проиграл мужикам! – Упал тот на колени. – Ты, хозяйка лесная, не кори меня, очень деньги нужны были! Они же, если не отдам...

Замахнулась я на него, да остановилась и за шиворот только схватила, поднимая с колен.

– Корову в дом купишь. Играть больше не будешь. А если узнаю, что эти два пункта не выполнил...

– Выполню, хозяйка, выполню.

– Иди отсюда, – шикнула я на него. Мужик вскочил – и бежать от меня, только пятки сверкают.

Усмехнулся Гордей, руки в карманы засунул, да на меня с ухмылкой посмотрел.

– Сурова ты. И как ведунья, и как дознаватель. Хороший мой помощник будешь.

– Дел у меня других полно, – отмахнулась я от него.

– А мое дело более важное, чем все ваше стадо коров. Закончим – поможешь.

Ничего не сказала, пошла дальше. Снег хрустел под валенками, а внутри все ныло от чужого страха, осевшего на душе липкой вязью. Идти пришлось долго, лесная тропка была совсем припорошена, но я откуда-то точно знала направление. Словно лес меня и вел в нужном направлении.

Вышли мы на опушку, где стояла старая, покосившаяся банька, давно заброшенная. Из трубы валил жидкий дымок,

да в окнах мелькали тени, отбрасываемые от одной свечи. И запах. Меня замутило сразу, как только ближе подошли. Тошнотворный такой запах – крови и смерти. И ведь умом понимаю, что нет еще ничего, снег кругом, а точно знаю, что в этой баньке творится.

Остановилась я лишь на миг, а Гордей уже прошел вперед, обогнал меня и бросил через плечо:

– Останься здесь.

И это он мне? Дознавателю и этой, как ее, ведунье лесной? В два шага нагнала его, да первой за ручку двери взялась. Сделала глубокий вдох, втягивая в себя не только морозный воздух, но и словно силу леса скрытую.

В душном, пропахшем паром и кровью мареве баньки возились двое. Один, широкоплечий парень, с топором в руке, стоял поодаль: дел у него не было, все закончил. Второй, тощий, с глазами-щелочками, сидел на лавке и точил нож на растянутом ремне. На полу, на расстеленной порче, лежало то, что еще вчера ходило, дышало и жило. Сердце сжалось от жалости и гнева.

– Чего надо? – рывкнул на меня тощий, вставая и двигаясь в мою сторону с ножом.

– Столичное управление грабежа и воровства. – Гордей уже протягивал через мое плечо удостоверение столичное, с гербовой печатью. Мажор городской, не знает, что ли, что в таких деревнях зазря только махать бумажками.

Топор выпал из рук широкоплечего, а тощий метнулся,

как змея, но не к выходу, а ко мне. Хотел схватить, да в заложницы взять. Выбрал, так сказать, более легкую мишень. И пальцы его, липкие и холодные, уже тянулись к моему рукаву. Вот только не отпрянула я, выдохнула на него всю свою злость, да несправедливость за убиенную корову.

И словно со мной лес выдохнул, да так, что отлетел мужик к дальней стене, да нож из рук выронил.

Гордей на мгновенье замер, но лишь на мгновенье. Уже через секунду привычными движениями скрутил одного, а потом и второго. Выпрямился, отряхнул ладони и посмотрел на меня, а в уголках рта его играла веселая усмешка. Да такая, что мне как-то нехорошо стало.

– Самоучка, говоришь? Уж много силы в тебе для самоучки, особенно для выдворения нечисти. Лесным ведуньям такая сила не подвластна.

Не поняла я ничего, что он на меня так взъелся? Сам же их скрутил, я только... оттолкнула? Посмотрела на свои руки и быстро натянула рукава. Видать, лесная ведунья – не просто слово, а с магией связано.

Посмотрела в дверной проем, а там на двери ворон сидел. И головой качал, словно глаза его, бусинки, говорили: «Влипла ты, Алена Александровна, по самые глубокие сугробы». И, похоже, прав был.

Глава 4

– Зачем силу показала?

Это ворон решил меня допытывать после того, как Гордей увел обоих мужиков в съезжую избу. Надеюсь, они там с Иваном и без меня разберутся. А я стояла за баней и в себя приходила. Много видела, когда у бабки в деревне жила, да такого там не было. И тошно так стало, даже не от вида того, что от коровы осталось, а от того, что жизнь одна загублена. И причитания ворона мне сейчас ну совсем не по нраву были.

– Уйди, птица. – Махнула я на него рукой. – Не до тебя сейчас.

Вот только ворон улетать не собирался. Сидел на снегу рядом со мной и голову поворачивал то одной, то другой стороной ко мне.

– Странная ты, Аленка. Раньше ни в жизнь не пошла бы корову убиенную спасать. Чувствовала же, что не жива больше.

– Чувствовала. – Кивнула я, зачерпывая снег и окуная в него лицо. – И что я должна была делать по-твоему?

– Как обычно – бежать к Ивану, просить о помощи. Ты же эта, девочка.

Ворон снова посмотрел на меня, склонив голову и словно всматриваясь в душу.

– Еще скажи, телефон взять и снимать начать, – огрызнулась я. – Сам же видел, продал этот ирод корову на убой. За долги продал! Жену и детей без молока оставил, считай без пропитания.

– Раньше тебе дела до этого не было. Ты все кручиниться предпочитала, не ела, не пила, вон, чуть не замерзла на смерть в стылой избе.

Поежилась я. И не от холода морозного и не от воспоминаний о том, как проснулась в холодной избе. Было что-то, что боль причиняло Аленке той, в теле которой я оказалась. И боль такая, что душу ей разрывала.

– Брат у меня козленочком стал, – вспомнила я сказку.

– Не, ну ты Ивана-то не обижай. Он старшой, да и начальник твой.

Ага. Не поэтому Аленушка так убивалась, что не ела, не пила и печь не топила. Что-то с этими сказками совсем не то получается. Может, влюбилась?

– Любовь... – многозначительно вздохнула я, закатывая глаза.

– Ты не переигрывай. – Качнул ворон головой. – Иван все равно тебя на раз вычислит и работать отправит. Так что собирайся, у нас еще дел полно.

– Надеюсь, не с этим. – Кивнула я в сторону деревни, куда Гордей ушел.

– С этим все сложно. Что-то в столице произошло, Иван с утра об этом говорит. Но, надеюсь, у него все хорошо с

головой, тебя он до этого дела не допустит. А нам с тобой еще с посадником разговаривать.

Я уже окончательно отошла и могла спокойно, без позывов рвотных стоять и внимать словам ворона. К деревцу при-слонилась, и так хорошо стало, словно энергией напиталась от него.

– А посаднику-то что от меня нужно? – спросила я, отчаянно пытаюсь вспомнить то, кто же такой посадник и какие неприятности он мне сможет создать.

– Да все тоже: хочет он знать, что с его сыном стало. Ты ж последняя гуляла с ним в лесу Заповедном.

– А что с сыном-то?

Ворон снова посмотрел на меня как на ненормальную, да голову склонил.

– Да гуляли все компанией, да вся компания и пропала. Окромя тебя.

– Угу, – выдавила я все, что смогла.

Значит, Аленка где-то гуляла, а потом вся компания пропала, а она одна осталась. Не эта ли причина ее грусти, которая довела ее до смерти? А посадник, как помнится, должность важная, власть имеющая. Да еще и отец горюющий, с ним нужно быть осторожной. Ко всем напастям не хватало еще, чтобы кто-то понял, что не Аленка в этом теле, а я. Мне на старости лет такое не надобно.

– Ну, пойдем к посаднику твоему, – сказала я и пошла.

Да так пошла, что сама удивилась. Легко с пригорка на

пригорок перепрыгиваю, суставы не болят, гнутся, аки пружинки. И в теле так легко, дышать ничто не мешает, нигде не болит. Я таких ощущений после сорока не испытывала. И как будто молодая я снова.

А ведь молодая! Я снова посмотрела на свои руки, пальчики без морщинок, ноготочки ровные, платье задрала и на ноги тонкие посмотрела. Красотища!

– Все в вашей съезжей избе такие повадки охальные имеют?

Быстро юбку опустила, да глаза подняла. Не заметила я, как до избы дошла, а на крыльце братец мой Иванушка, ненаглядный, да Гордей, чтобы глаза мои его не видели, стоят.

– Не переживайте, я ее научу. – Показал мне Иван свой огромный кулак из-за спины Гордея. – Молодая еще, зеленая. Вот только с природой общаться может, вот и все умения.

– Все? – Вздернул бровь Гордей. – А сегодня я видел больше, намного больше.

Иван начал покрываться красными пятнами, слетел с крыльца, да юбку мне стал одергивать, еле вывернулась из рук его.

– Тебя там посадник ждет, допрос учинять будет.

Да я и сама видела, что допрос будет с пристрастием, поскольку из избы уже вышел мужчина лет пятидесяти, лысый, толстый, с огромным кошельком на поясе. Посадник, в общем.

– Не буду я ее допрашивать сегодня. – Он толкнул в сто-

рону Ивана, даже столичного Гордея не пожалел, шагнул ко мне, за локоть ухватил, да так, что не вырваться. Синяки еще останутся. – Пойдет она со мной к Щуке. Там будем решать.

– Суда не было! – Побледнел Иван, пытаясь остановить посадника, но куда там.

Гордей же даже не пытался остановить, лишь смотрел в сторону забора, покрытого льдом. Сильно покрытого, прямо неестественно. Но то лед, эка зимой невидаль. А все остальные на меня смотрели, с интересом наблюдая за тем, что дальше будет. А дальше посадник тащил меня по деревне, по всем улицам, да к колодцу, вокруг которого заборчик был и цветы возложены. Словно утопился кто-то, а там памятник воздвигли. Колодец не пригоден, так что добру пропадать – сварганить культурную достопримечательность, да экскурсии водить.

Но тут из колодца вынырнула щука, да уставилась на меня своими рыбьими глазами.

– Здравствуй, Аленушка.

– Здравствуй, щука, – почувствовала я себя немножечко Алисой.

– Не щука, а Матушка Щура! – взвизгнула та, нырнула, да достала корону и на голову водрузила. – Допрыгалась, мелкая ведунья?

Допрыгалась, это точно, рыбы уже говорящие мерещатся. Моргнула пару раз, но образ щуки с короной на голове не исчез.

– Вот, Матушка Щура, – заговорил посадник, толкая меня к колодцу так сильно, что я упала, на коленях проехала, да прямо перед щукой и остановилась. – Не говорит, паршивка, что с нашими детьми случилось! Небось и порешила сама всех, да в костре сварила.

– Не колдунья она, а ведунья, – кинулся на мою защиту Иван. – Лесная ведунья, с травками разговаривает, да с зайчиками. Она же лесу отдана, нет ей дела до людей.

Но посадник только глазами сверкнул, да пальцем в меня ткнул.

– Ведьма! Докажи это. А как докажем, что она ведьма, то и наказать сможем!

Похолодело у меня в груди все, да и в ногах тоже, на снегу же стояла. Вот почему ворон был против того, что я показала свою силу, пусть и случайно. Это сила ведьмовская была, а Аленку только как ведунью знали. И ведьм здесь, видать, как во всех сказках, не очень любят.

– Не делала я ничего! – закричала я, вскакивая. – Никого не трогала. Хоть на детекторе лжи проверьте!

– Вот! – Снова ткнул в меня пальцем посадник. – Слова ведьмовские.

Сплюнула три раза за глупость свою. Надо же было сморозить такую фразу несовременную.

– Раз ты волшебная, вот и скажи, вру я или не вру. Можешь?

Щука кивнула, а я подошла ближе и руку подняла, клятву

принося.

– Не трогала, не обижала и не убивала я никого, ни сына его, ни других ребят.

Смотрела на меня щука выжидающе, затем вердикт вынесла.

– Правду говорит.

И сказала это с таким сожалением, зараза мокрая!

– Но чую я, что с тропинки ты своей сошла.

Я замерла. Неужели видит она, что в теле Аленки уже не она? Но рыба сидела в своем колодце и молчала.

– Хочешь все вернуть как было?

И вот смотрит на меня щука. Я смотрю на нее. Подвох чую. Как есть – подводх. А голос так и начинает за меня говорить.

– Хочу.

И вертится на подсознании желание, что сейчас она все изменит, и окажусь я снова в кровати, а на мне внуки прыгают с требованием сказку снова почитать. Но и ощущение опасности есть. Такое же как на Апражке в перестроечные времена, когда в стаканчики поиграть предлагают. Вертится оно, но формы не находит. Да и поздно уже.

– Исполнено, – говорит щука, а сама так хитро улыбается, то у меня возникает стойкое желание на сковородку ее положить. – С этого момента вернешься ты на путь свой, Аленушка, сестра Иванушки.

И – прыг в колодец. Корона только где-то внизу звякнула.

Оборачиваюсь, и тишина вокруг. Все смотрят и глаза отводят, как только на них смотрю. Ох, недоброе мне щука загадала. Что там было в сказке про Аленушку и Иванушку?

Вспомнила и сама побледнела. Как только Аленушка любовь свою нашла, ведьма ее околдовала, заставила камень на шею повязать, да утопила ее в озере.

Вот и приплыла ты, Алена Александровна.

Глава 5

Вокруг все стояли молча. На меня смотрели. Да так жалостливо, что самой тошно стало. Вот только посадник этот зыркал улыбкой да такой, что радость мести за весту чувствовалась. Гордей наблюдал за немой сценой с оскалом хищника. Его взгляд скользнул с моего испуганного лица на перекошенное лицо Ивана, на самодовольную ухмылку посадника, подошел, взял меня за локоть, но не грубо, а жестко, без возможности вырваться, и повел прочь от колодца.

– Иван, проводите нас, – сбросил он на ходу.

Братец мой двоюродный поплелся следом. И чувствовала я, что нет в нем больше той силы и мощи, которая была, когда меня ругал на спанье на рабочем месте.

Я же семенила рядом с Гордеем, да и отпустила себя, тело свое, давая вести куда ведут. А сама думала, что делать с этим что-то надо. Топиться в мои планы совсем не входило, как и отвечать за пропажу подростков, которую на меня навешать собрались. А еще этот нахал, который вот так тащит меня за руку.

Выдернула руку, поправила дубленку, да нос кверху задрала.

– Сама дойду. – И первая прошла в съезжую избу, благо дошли уже.

Тепло там было, печка протопилась, можно было и дуб-

ленку скинуть, и валенки. Перед дверью остановилась, потопав ногами, снег с валенок стряхивая. Надо бы рабочую обувь какую завести, чтобы в валенках по избе не расхаживать.

– Странная ты, Аленка, – подал голос Иван, – никогда чистоплотностью особой не отличалась, а тут даже снег стряхиваешь.

– Так товарищ из столицы как-никак. У них, небось, в лаптях то в дома не входят.

И покосилась на ноги сыскаря столичного. А там – сапожки кожаные. Нет, наверняка, утепленные, в столице тоже, чай, не лето. Но уж больно холодно они выглядели для наших-то снежных зим. Подняла глаза – а на нем куртка кожаная с воротником меховым. И прошел сыскарь этот сразу к огню, да руки почти синие туда протянул. То есть без варежек ходит, да и шапки на нем не видать, уши тоже в цвет рук синюшных окрасились.

Вздохнула, да к Ивану повернулась.

– Вань, а ты бы гостю нашему одежонку нашел. Местную. – Многозначительно покосилась я на Гордея, который у огня грелся.

Хорошо, что Иван не совсем дурак оказался, быстро смекнул, да в сени выскочил.

– Так что вас, Гордей, не знаю как по батюшке, привело к нам?

– По батюшке и не надо, можно просто Гордей. Дело го-

сударственной важности привело. Но смотрю, у вас тут и без меня дел хватает.

— Угу. — Кивнула я и за свой стол, на котором проснулась, села. — Вы уже обратно собираетесь?

— Немного задержусь. С делами помогу местными, а вы мне с государственными.

Сжала кулаки, да делать нечего. С самого детства знала, что высоким начальникам хамить не следует, а следует угождать. Так они быстрее уезжают в свои палаты каменные с золотыми унитазами.

— И с чем же вам помочь?

Гордей поднялся от печи, да за стол ко мне подсел. Ровно напротив, что видела я глаза его, черные, глубокие, как ночь перед рассветом. И засмотрелась так, что чуть нить рассказа не потеряла.

— Дело важное, — начал он, — поэтому разглашению не подлежит. Положи руку, Алена, ведунья лесная, да принеси клятву, что тайну эту никому не скажешь.

И положил передо мной камень какой-то, светящийся. Я руку сразу и отдернула. Знаю я ваши эти штучки! Там потом с оборотной стороны камня мелким почерком что-нибудь нацарапано будет, а я и не увижу.

— Слово даю. Пионерское.

— Какое? — Гордей глаза сощурил и руку ко мне протянул.

А я руку отдернула, в клятвенное положение поставила и отрапортовала.

– Я, вступая в ряды помощников Гордеевых, столичных следователей, перед лицом своих товарищей. – Тут я покосилась на ворона, который все так же на окне сидел. – Торжественно обещаю: любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал...

Тут я осеклась, ибо клятву до конца не продумала.

– ... как завещал отец мой родной, да Иван, работу мне дающий, хранить тайну столичного расследования.

Гордей смерил меня взглядом, да руки убрал, лишь усмехнулся.

– Интересные у вас, ведуний, клятвы.

Я аж выдохнула.

– Не столичные, – буркнула в ответ, глядя, как Гордей из полы кожаного пальто своего достает бумаги и передо мной раскладывает.

– Узнаешь? – сунул он мне в руки бумагу, на которой посох был нарисован, дедморозовский.

– Посох? – уточнила я, да угадала, кивнул Гордей и следующую бумажку мне в руки сунул.

– А этого узнаешь?

Смотрело на меня с листа чудище какое-то. В русских народных такого точно не было, это надо было вспоминать все новомодные книги внуков моих.

– Эльф? – угадала я, когда из-под шапки увидела длинные, остроконечные уши.

– Он самый. Зовут Малой. Разыскивается по подозрению

в хищении посоха Деда Мороза.

Я аж присвистнула. Это они вот так фотороботы составляют. В принципе ничего, запарно только, видно же, что от руки угольком нарисовано. Это чтобы даже по деревне расклеить, сколько рисовать то придется? Пригляделась я к рисунку, да ткнула пальцем, внимание Гордея привлекая.

– Он же ребенок совсем.

– Подмастерье, – не согласился со мной сыскарь столичный. – В фазу взрослости вошел, у лучших эльфов обучался. Так что достаточно взрослый для того, чтобы посох украсть.

– И кто ему это позволил? Взрослых рядом не было, чтобы остановить да образумить?

– Не было, – скрипнул зубами Гордей. Да так скрипнул, что я за его эмаль волноваться стала. – Выгадал он день, когда старший Эльф выходной взял. Один в году. Ждал, наверное, долго.

– Старший эльф точно долго ждал. – Накрутила я прядь волос на палец. Это ж что за эксплуатация труда такая? Один выходной в год?! Да так дети не только посохи начнут красть, а что еще похуже.

– Похуже уже и началось, – не дал мне договорить Гордей. – По всей стране пошли проблемы. На севере дожди нескончаемые, на юге снегом все посадки замело, вместо подарков людям отдарки приходят.

– Погоди, – перебила его уже я. – Отдарки – это как?

Посмотрел на меня Гордей как на несмышленища, но по-

яснил.

– На Новый год люди подарки заказывают. А вместо получения на почте морозной им приходится свое вдвойне платить: то ты платила за то, чтобы привезли, а это плати, чтобы получить.

– Обидно. Почта она такая, – вздохнула я, – придешь оплаченное получить, а с тебя еще возьмут. Говорят: а тот наложенный платеж он был только чтобы платеж наложить, а сам платеж – это уже сизнова плати.

– И у вас такое тоже творится?

– Такое везде творится, – снова вздохнула я.

– Вот и будем разбираться.

Тут в избу ворвался Иван с ворохом одежды. Скинул все на лавку, да довольный предложил.

– Вот, берите, а то замерзнете в наших снегах-то. Не по погоде вы одеты, да не по-нашенски. Чураться вас народ будет в городском одеянии.

Гордей поднял шапку-ушанку, да с подозрением взглянул на меня.

– Одевайте-одевайте. – Кивнула я. – Хотите здесь работать – одевайтесь по сезону. Это у вас там дожди, а у нас зима самая настоящая.

– А где... – начал спрашивать Гордей, но Иван его перебил.

– Так вы дойдите до избы, где проживать будете, да переоденетесь там, вещи свои разберете. – Он оглядел избу, но

ничего не нашел.

– Нет вещей, надолго задерживаться не собирался.

– Ну вот, тогда мы вам подсобили немного. А старые вам Аленка и постирает.

Я при этих словах хотела огреть братца своего двоюродного, но почувствовала, что щеки наливаются краской. Сознание матерое по голове бы надавало, а тело юное стыдиться вздумало. Но мозг – он же над телом власть завсегда имеет.

– Это я что, бегать по всей деревне должна, да рабочее время тратить на стирку портков мужика заезжего?

Вроде и правильно все сказала, по делу, а щеки еще пуще загорелись. Теперь, кажись, от своих собственных фраз.

– Зачем бегать? Он же у тебя в избе жить будет.

Вот тут и у мозга моего опытного, и у тела молодого желание и действия объединились. То есть ударила я его тем же поленом, что с утра Гордей получил.

– Это ты чего удумал, ирод?

Иван потер ушибленное плечо, да шаг к двери ближе сделал.

– Так свободных изб нет в деревне. А ты одна со смерти родителей живешь, у меня не изба, а хоромы.

Метнула я взгляд на Гордея убийственный, а тот, словно невзначай, достал корочку столичную, и стоит, словно протирает.

– Хорошо, – процедила я сквозь зубы, – пусть живет. Только стирать я ему ничего не буду.

И подобрала со скамьи всю одежду, да и вручила обратно Ивану.

– Иди, неси гостю дорогому все в избу мою.

А сама тихо следом выскользнула. Я ж не знаю, где изба-то моя.

Глава 6

На самом деле быть в теле молодой девчонки оказалось делом интересным. Давно я забыла, как оно, когда не болят суставы, нет одышки и сердце не заходится. Поэтому по дороге до моей избы прыгала, приплясывала и кидалась снежками в проходящих мимо мальчишек. Те, сначала удивленно поглядев на меня, быстро включались в игру, образуя целую баталию на улице.

– Развеселилась ты, Аленка. – Подмигнул мне Иван. – Давно тебя такой не видел. Неужто приезд столичного мужика на тебя такой эффект возымел?

И не сказал, вроде, ничего, а снежком в нос все равно получил. Хотел было ответить, но вещи в руках мешали, поэтому только пальцем погрозил, да пошел вперед. Зато Гордей сильно отстал, то ли боялся под град снежковый попасть, то ли наблюдал за мной внимательно. Скорее второе, потому что глаза его черные, глубокие, как ночь перед рассветом, с меня не сводились.

- Что смотрите, товарищ следователь?
- Изучаю, с кем работать придется.
- Нравится?

Ох, и разошлась я. Тело молодое управлять мною вздумало, флирт включился, игра в снежки все мозги повыветрила. А с ним осторожно мне надо быть, он проницательный, по

глазам видно. Черным, глубоким, как ночь перед рассветом. Да тьфу меня, у молодости тоже отрицательные черты есть, оказывается. Мозгов не достает.

– Нравится, – быстро ответил Гордей, да улыбнулся так... по-человечески.

И щеки у меня запылали, не от тела моего реакции, а сама уже засмушалась. Как молодуха, ей Богу. Отвернулась и пошла дальше, весело напевая и чувствуя всю мощь тела своего молодого.

Иван остановился около резного терема. Думала ошибся, но нет, на крыльцо поднялся, да дверь плечом толкнул. Не запирают тут, значит, воровства нет, доверяют друг другу. И плохо это, не укрыться ни от кого будет.

– Аленка, иди господину постели в гостевой. И приберись, у тебя там, небось, пауки паутину свили. Вы извиняйте, она последнее время вся в расстройствах была, когда ребята-то пропали.

– Пропали, – подтвердил Гордей, заходя в терем. – Хороший дом, добротный. Да не велик ли для одной ведуньи лесной, такой... – посмотрел он на меня и культурно добавил, – молодой.

– Это дом от родителей остался, а как сгинули, так и одна Аленка живет здесь. Все женихать не можем ее.

Женихать они меня собрались! Фыркнула и пошла искать спальню гостевую с пауками на стене. Не на ту напали! У меня после двух мужей такие требования, что закачаешься,

не каждый мужик сдюжит.

Спальню я нашла. Явно гостевая, ибо в Аленкиной одежде валялась на полу, на стульях и столах. Даже на дверце шкафа. Быстро собрала и на кровать закинула. Уборку позже наведу. Генеральную. Хорошо, что Аленка в другие помещения не заходила, потому уборка в гостевой ограничилась протираанием пыли и пола.

Гордей зашел, осмотрелся, да и выдал:

– Изба хороша, терем целый. Но хозяйки в нем нет.

И покосился на меня, явно ответа ожидая. А я что? Я здесь тоже в первый раз, даже осмотреться не успела. Стою, смотрю. И он смотрит.

– Обедом-то покормишь? – вкрадчиво спрашивает. – Али не умеешь?

Ничего не ответила, из комнаты его вышла, да и пошла на кухню, новые технологии осваивать. Из технологий была только печь, чугунок, да ухват. Еды не было.

Я посмотрела по всем полкам, в печь заглянула, которая, кстати, холодная была, как сугроб, под пол заглянула. Да, Алена, хозяйкой ты еще той была. Или на работе все время проводила, что домой даже ночевать не приходила, или тоска тебя мне неведомая сжирала так, что дом ты забросила. А про паутину Иван прав был: таковая имелась, да украшательством в каждой комнате висела.

Гордей спустился, переодевшись в выданную ему одежду. Иван явно снимал со своего плеча, поэтому худой и поджа-

рый Гордей немного в ней утонул: штаны чуть ли не падали, рубаха свободно свисала, закрывая руки полностью. Как у Пьеро, ей Богу.

– Иди сюда, горемычный, – сказала я и, не дожидаясь, сама подошла, стянула со своего платья ленту алую, да штаны подвязала, заправив под ленту и рубаху. Поправила, сделав немного навывпуск. Сделала шаг назад, оценила свое творение: довольно модно и современно. По моим меркам.

– Благодарствую. – Губы его чуть дрогнули. – Так что у нас с едой?

– Вопрос на триста, – хмыкнула я.

– Не понял.

– Это значит, нет еды. – Развела я руками.

– Совсем?

– Совсем.

– Где взять знаешь?

Сознаваться, что ничегошеньки я не знаю, было стыдно, поэтому откровенно нагло кивнула.

– Иди за едой, а я печь растоплю. А то дом выморозила совсем.

И на стол упала монетка. Серебряная. Насколько помню, такие дорого ценились. Быстро схватила и за дверь выскочила. Если деньги останутся, надо будет коврик купить домой и на работу.

По улице шла, оглядываясь по сторонам, ища, у кого бы спросить дорогу. И тут мне навстречу собака выскочила.

Большая такая, тощая, как Гордей этот, и такая же недобрая. Встала и оскалилась на меня.

– Ласка, ты чего? – За ней выскочила молодая женщина и схватила собаку за ошейник. – Ой, Аленушка, ты здесь. А я думаю, чего Митяйка мой замолчал, неужто ты идешь. А и, правда, ты. Не знаю, что это Ласка сегодня злая, всегда же тебя любила.

Аленку, может, и любила, а вот Алену Александровну в моем лице, не признала. И правильно сделала, если честно. Одна она знает, что не Аленка я вовсе. Хорошо только, что говорить не умеет.

Я подошла ближе, протянула руку собаке, та внимательно принялась, всю руку обнюхала, к ноге перешла.

– Митяйка как? – решила я немного разнообразить молчание, за которое мы обе не сводили глаза с собаки.

– Хорошо, спать начал по ночам. Как ты в прошлый раз пришла, наговор сделала, так и перестал плакать. Даже удивительно, не было у нас раньше таких хороших знахарок. Обычно они вредные, да от людей шукаются. А ты хорошо с людьми ладишь.

– Да не со всеми, – вспомнила я посадника.

– Да ты на Ратибора внимания-то не обращай. С горя он совсем обезумел. К Щуке тебя потащил зачем-то. Эта старая мерзавка уже совсем из ума выжила, такое тут недавно устроила.

– И что? – заинтересовалась я.

– Николу знаешь?

– Да. – Кивнула я от совершенного незнания.

– Так вот, пошел он к колодцу, желание загадывать. Загадал, чтобы девица ему красная встретилась, да за руку с ним ходила. Так на обратном пути из дворов выскочит черт какой-то зеленый, да как схватит его за руку и кричит: Держи меня, родненький, и не отпускай никогда. Теперь Никола из дому не выходит, боится.

Отсмеялись мы, да и Ласка от меня отстала, отошла, давая возможность уйти.

– А ты куда идешь-то?

– Да вот, – показала я на дом свой, – подселил ко мне Иван столичного следователя. Кормить надо, а у меня дома мышь повесилась.

– Да уж, знаю я твое гостеприимство. Погодь, я корзинку принесу. На пару дней хватит, а дальше на ярмарку в Весенки сходишь, купишь все. Мужика-то прокормить – непростая задача. Особенно столичного.

– Ничего, прокормим как-нибудь. Столичный – не столичный, а поставлю чугунок с картошкой и будет есть, коли больше нечего.

– Ну ты, Аленка, даешь! – удивилась женщина. – Не думала, что мужиков строить умеешь. Все тихоня, тихоня, а на деле так и женишь его на себе.

– Тьфу-тьфу-тьфу. – Сплюнула я через плечо. – Сама сказала, не прокормить этих мужиков.

Усмехнулась она и пошла в избу, корзинку с продуктами мне собирать.

Глава 7

Меня радовало, что не пришлось далеко ходить за продуктами. Ласка ко мне привыкла, по крайней мере уже не рычала, поэтому Мирославу я дождалась очень быстро.

– Спасибо, – поклонилась я ей, как принято в сказках. – Я как на рынок сбегая, обязательно все верну.

– Да ладно, – отмахнулась Мирослава. – Ты лучше домой с избы этой дорогой ходи. Мой Митяйка успокаивается только, когда ты проходишь.

– А можно на него посмотреть? – заинтересовалась я таким феноменом.

– Конечно! – Мирослава впустила меня в дом, подвела к кровати и показала розовощекого карапуза. Он смотрел умными глазками на меня, болтал ручками и ножками.

– Давай-ка посмотрим.

Я распеленала его, взялась за ручки, ножки, поводила ими в разные стороны. В плане суставов все было нормально. Затем начала щупать живот, и вот тут малыш не выдержал и громко закричал.

– Ну вот, опять! – заволновалась Мирослава. – Я думала, хоть при тебе плакать не будет.

– Будет, но еще недолго, – утешила я девушку. – Это газики, почти всегда бывают у детей малых. Есть у тебя укропная водичка?

– Нет, – развела та руками. – Мы его и не выращиваем.

Почесала я свою длинноволосую голову и задумалась.

– Давай дома у себя посмотрю, вдруг что-нибудь осталось из запасов?

Не было у меня надежды, что Аленка была настолько хозяйственная, что сделала запасы нужных трав на зиму. Но и в деревне ее звали все только как лесную ведунью, а они с лесом дружны должны быть, значит, с травами тоже.

Поблагодарив девушку, я заспешила домой. Еще издалека заметила, что над трубой уже колышется сизый дым. А когда в терем вошла, так и обдало меня теплом. У печи сидел Гордей и подкидывал дрова.

– Здорово как, тепло! Да ты просто волшебник.

Я даже дубленку скинула и валенки, поставила корзинку и протянула руки к огню. Только вот Гордей не разомлел от моих похвал, а, наоборот, сурово поглядел на меня.

– У тебя дымоход забит был. Наглухо.

– Ты же почистил? Вот и славно.

– Ты отравиться могла, угореть в дыму. Ты дома-то вообще появляешься или спишь на столе в съезжей избе?

– Сплю, – кивнула я, не уточняя где. – И пока не угорела. А за печь спасибо, сейчас обед приготавлию.

Гордей с подозрением посмотрел на то, как выкладываю продукты на стол. Видимо, не верил, что я умею готовить. Но не на ту нарвался. Может, прежняя Аленка и не умела готовить, а весь мой семейный опыт отличался шедеврами.

Я достала все продукты, которые были в корзинке, разложила на столе муку, сыр, крынку с молоком. Руки вспоминали движения, к которым были привычны с детства. Вот только руки Аленки были непривычны к готовке, пальцы плохо слушались, но я старалась развивать мелкую моторику. А то что это за дело – молодая девчонка, а руками плохо работает?!

Гордей, устроившись на лавке у стола, следил за каждым моим движением. То ли пытался запомнить рецепт, то ли не доверял моим кулинарным способностям.

Воду я подогрела в чугунке у печи. Руки сами запомнили правильные движения: мука горкой, щепотка соли, постепенно вливала воду. Пальцы погрузились в белую, пушистую массу. Сначала она крошилась, потом пошли крупные хлопья, и в конце концов под руками было мягкое, податливое, живое тесто. Оно не липло к рукам, лишь чуть пружинило под ладонями, излучая тепло.

Я вымесила тесто несколько раз, собрала в шар, накрыла чистым льняным полотенцем и поставила в теплое место на краешек стола, ближе к печи.

– Нужно постоять, – пояснила я на вопросительный взгляд Гордея.

– Вижу, – ответил он, но продолжил смотреть. Непривычно было готовить под таким пристальным присмотром, но в нем не было ничего похабного или гнетущего.

Пока тесто отдыхало, я занялась сыром. Это был не ма-

газинный сыр, к которому я привыкла, а домашний, слегка солоноватый и рассыпчатый. Я раскрошила его в миску толстыми, небрежными кусочками – он должен был чувствоваться, плавиться ароматными островками.

Через полчаса сняла полотенце: под ним тесто набухло, стало еще более горячим и послушным. Разделила его на несколько частей, взяла скалку и раскатала первый круг: он вышел тонким, почти прозрачным.

– Ловко, – с лавки прозвучал одобрителный комментарий. В уголке рта Гордея заплясала усмешка, скрывая его су-ровость.

– Я же самоучка, – напомнила я ему, накладывая в сере-дину лепешки щедрую горсть сыра.

Пальцы сами сложили края защипом, собрав тесто в акку-ратный и пухлый конвертик. Приплюснула его ладонью, по-том снова прошла скалкой, превратив в аккуратный, плот-ный круг. Сыр внутри мягко хрустнул.

На сковороде, которая уже хорошо прогрелась на печи, зашипела капля свиного сала. Я положила первую лепешку, и тут же по избе пополз аромат жареного теста. У меня тут же свело желудок, а от вида шлейфа плавящегося сыра потекли слюнки.

Гордей привстал, облокотившись на стол. Его ноздри чуть расширились, уловив запах. Он ничего не говорил, но его внимание было приковано к сковороде, где жарилась лепеш-ка.

Я перевернула, и снизу открылась идеальная корочка – хрустящая, с темно-золотыми кружевами.

Первую лепешку я положила на деревянную доску, разрезала ножом на несколько секторов и, не дожидаясь, протянула один Гордею. Пар еще шел, сыр тянулся тонкой, ароматной нитью.

Он взял осторожно, обжегся, слегка втянул воздух, но не отложил, а откусил. Замер. В его глазах промелькнуло удивление, которое тут же сменилось удовольствием. Он медленно прожевал, чувствуя хруст теста, упругость и соленость сыра.

– Ну? – не выдержала я, сама отламывая кусочек. Горячее тесто обжигало пальцы, а сыр обволакивал язык.

Сначала он доел свою порцию, и только потом ответил:

– Пойдет! – сказал он довольно коротко, в голосе проскользнула некая теплота. – Очень даже пойдет! И холодным есть можно.

– Можно, – кивнула я, потянувшись за еще одним куском.

Наши пальцы соприкоснулись, и я отдернула руку. Еще чего, глупости какие!

Видимо, и его это напугало, потому что руку он убрал так же быстро.

– Хорошая еда поднимает настроение, – потянулся он за столом. – А еще разгоняет мысли. Готова начать работу?

Конечно, хотелось заняться домом, да привести его в порядок, но работа есть работа.

– С чего начнем?

Глава 8

– А начнем мы с пропажи подростков.

Я немного опешила, не ожидая, что разговор начнется с моих проблем.

– А как же посох?

– Это подождет пару дней. А вот если у меня не будет помощника, то вряд ли я посох смогу найти. Так что давай, рассказывай, как все было.

Я смотрела на него и тяжело вздохнула. Вот если бы у меня осталось хоть что-то из памяти настоящей Аленки, было бы гораздо проще. Но воспоминаний не было, поэтому и рассказывать было нечего.

– Не помню, – честно призналась я. Честность – всегда лучше вранья. Особенно когда и сказать-то нечего.

– Это уже интересно. Память стереть мнемот мог. Но вот откуда он в ваших местах?

Я только плечами пожала. Кто такой мнемот, я не знала и уж точно не знала, откуда он пришел. Поэтому решила, что начальству столичному будет виднее. Глазками хлопнула и продолжила смотреть на него. Гордей постучал пальцами по столу.

– У тебя были в последнее время какие-нибудь стрессы?

– Родители умерли, – вспомнила я то, что говорил Иван.

– Друзья пропали, а я и не знаю куда.

Он кивнул чему-то своему и поднялся.

– Мне нужно отойти, проверить кое-что. Я отойду ненадолго, а ты можешь возвращаться в съезжую избу, обязанности выполнять.

– Угу, – кивнула я, прикидывая, какие у меня еще могут быть обязанности, кроме сидения в избе да карауливания корово-крадов.

Дождавшись, когда он уйдет, я быстро подхватила еще одну лепешку и выскочила следом. Поземка легко бежала по дороге, заметая мои следы. Я же шла в лес. Это было первое, что должна была сделать лесная ведунья. Я ничего не помнила из жизни Аленки, но прекрасно помнила то, чему учила меня бабушка. Если ты благоволишь лесу, лесная ведунья поможет тебе и ягоды найти, и дорожку покажет, коли заблудился. А Аленка была ведуньей как раз, значит, должна была иметь связь с лесом.

Первые деревца, еще недоросший молодняк, встретили меня, поглаживая по рукам. Узнали, значит. Я приложила руку к первому большому дереву и позвала:

– Лешенька, ты меня слышишь?

Он услышал. Пришел по первому зову, представ передо мной лихим парнем – с рубахой навыпуск да в теплых валенках. Простой такой, свой, родной.

– Слышу тебя, Аленка, – начал он, улыбнувшись. Да так улыбнулся, что сердечко мое растаяло да затрепетало, как бабочка. – Давно тебя не было. Стряслось что?

Леший подошел и стал смотреть на меня глазами, похожими на два лесных озера, в которых отражались верхушки сосен.

– Беда, Лешенька, – выпалила я, чувствуя, что на душе становится легче от одного его вида. Леший – часть леса, его душа; с ним можно было не притворяться. У лешего с лесной ведуньей связь прочная, вечная. – Пропали ребята, с которыми я недавно гуляла. И ничего не помню, словно память кто-то выскоблил.

Леший нахмурил брови, да вся его веселая, озорная улыбка с лица сбежала.

– Память... – протянул он задумчиво. – Лес помнит все, да не в нашем лесу вы гуляли, а на западном периметре. Там места гиблые, связь с ними тонкая. Не чувствую я ничего, да и лесной дух ничего не говорит. Тумана тогда было много, странного. Не простой туман, чужой. Может, он память и затуманил?

– А откуда туман пришел?

– Со стороны Запредельного озера. – Леший приложил руку к земле, словно прислушиваясь. – Твои друзья к озеру тебя звали, а ты словно и не слышала: стояла в сторонке, смотрела в одну точку. А потом развернулась и пошла прочь, на крики друзей не отвечала.

– Словно подменили меня, да?

Леший кивнул и убрал руку, прерывая связь с лесом.

– Ты в деревню ушла, а друзья твои к озеру пошли, тому,

что со стороны болот.

– И что с ними, Лешенька? Живы они?

– Лес не видит, Аленка, – покачал он головой. – Не видит он смрад болот: там болотницы и болотники живут. И озера он не чувствует: там Водяной правит. Чужая это вотчина, не наша. Да и ты... неправильно ты поступаешь, Аленка. Горе твое уважаю, но лес ты бросила, оттого многое в нем происходит не с ведома. Одному мне не управиться, помощь ведуньи нужна. А твои способности ведьмы только помочь могут.

Повернулась я, да на друга другими глазами посмотрела.

– Ведьмы?

– А то я не заметил! – леший сложил руки на груди и отвернулся в сторону. Обиделся. – Ты не только зверей и птиц стала слышать, но и людей видишь насквозь. Думаешь, я не заметил? Видишь правду и ложь, зло видишь в людях. Это от леса отдаляет, Аленка. Ты здесь нужна, лесная хозяйка. Люди – они зло, люди только проблемы лесу приносят.

Я постояла и посмотрела в землю, обдумывая, что сказать. С лешим ссориться нельзя: он единственный друг надежный для лесной ведуньи. Но если про ведьму он прав, то Аленка не была такой – недавно стала. Не от этого ли загрустила, не от этого ли развернулась да от озера прочь пошла? Слишком много вопросов. Да и этот мнемот-бегемот еще.

– А мнемотов в лесу нашем не видно было?

– Эти даже при большом желании кромку леса не переступят. Как демоны и аспиды. Такие лес уничтожить могут

– нет им доступа.

– Хорошо. – Кивнула я, да возвращаться собралась.

– К своему собралась?

– К кому? – развернулась я, уже собравшись уходить.

– К гостю твоему, что по лесу топает аки медведь на пасеке? Он тебе, Аленка, не помощник: он из другого теста сделан. Из того, что по законам силы живет, а не по законам леса. Сила у него большая, но противоречит нашей. Не пара он тебе.

– Разберусь, – бросила я. – А где он, говоришь, топает?

– Так чай, в стороне озера и топает.

– Ладно, уведу его подальше.

– Твоя воля, – вздохнул леший, махнув на меня рукой. – Только вот что... – Он шагнул ко мне, от него пахло мхом, прелой листвой и деревом. – Память твоя не просто стерта – прикрыли ее, как листвой засыпали, чужим наваждением. Чтобы ты не смотрела куда не надобно, оттого и не помнишь ничего. Потому к воде не ходи: как нахлынет, с ума сойти можно, коли не держаться за что-то настоящее очень крепко.

– Спасибо, Лешенька, – поклонилась я ему.

Он отступил, и фигура его стала терять четкость, растворяться между деревьями.

– И сожги пучок полыни на берегу, прежде чем к воде спуститься. Это туман чужой разгонит на некоторое время.

– Где бы взять его только, – развела руками. – Нет у меня в тереме никаких запасов.

– К Яге иди, она подсобит. Только возьми... как обычно.

И исчез. И что взять – непонятно, где Ягу искать – неясно. Знаю только то, что Гордей топает аки слон в посудной лавке: веточки ломает, тропки не выбирает, прется напрямую – от этого ягодные кусты ломаются, по весне не взойдут.

И вот его выгонять из леса моего нужно, пока работы он мне не прибавил.

Глава 9

– Вот так и знала, – пробормотала я себе под нос, пробираясь через снег и наступая на знакомые следы валенок, глубоко утопшие в сугробах. Они были грубые, неуклюжие, словно медведь потоптался. На его пути обнаружился сломанный куст брусники, притоптанные побеги малины, даже одна молодая березка стояла переломленная, словно этот медведь навалился на нее всем весом.

Екнуло сердце от обиды: лес – не столичный проспект, здесь каждый куст дышит, каждое дерево на счету. Особенно зимой, когда и так всем тяжело живется. Я шла все быстрее, сильнее злясь с каждым шагом.

И вот увидела его. Гордей стоял на краю небольшой поляны спиной ко мне и смотрел вдаль, где между деревьями проглядывала свинцовая полоса Запредельного озера. Он стоял неподвижно, но по фигуре было видно, что напряжен, как и вся природа вокруг.

– Эй! – крикнула я во весь голос. – Ты что в моем лесу хозяйничаешь?

Он повернулся ко мне, но на лице его не было ни капли смущения – только полная собранность и настороженность.

– Тебя искал.

– Меня здесь нет. И не было бы, если бы ты весь лес на уши не поднял своим приходом. Искал меня – ищи там, где

оставил. Лес-то ломать зачем? У тебя глаз нет, чтобы тропу выбрать?

Он взглянул на поломанную березку, но не сразу понял, из-за чего я злюсь.

– Ты из-за нее?

– Столичные мажоры, – фыркнула я, подходя к деревцу.

Руки приложила и начала читать заговор, который еще бабка моя зачитывала, когда ветер ломал деревья в саду. Выплела из ленты косу и подвязала сломанный ствол.

– Виноват, – коротко произнес он за моей спиной. Правда, ни оправданий, ни жалости в голосе не было. Как и наглости столичной. Вину не чувствовал, но урок извлек. Ну, хотя бы с этим будем работать – не все сильно запущено. – Ты чувствуешь, что от озера словно зовет кто-то, тянет туда?

Я прислушалась и почти сразу ощутила. Это был не зов в прямом смысле: зимний лес оставался тихим. Но была тяга – тяжелая, наваливающаяся на грудь камнем, сжимающая сердце тоской. То самое чувство, о котором говорил Леший.

Я сглотнула, сунула руку в карман и нащупала последний кусок лепешки, успевший остыть на холоде.

– Чувствую. Но это что-то местное, родное.

Я ощущала: то, что тянет туда, не могло прийти извне. Так же, как я чувствовала лес, едва переступив его порог, так же чувствовала и то, что было в стороне озера.

– Ты не должна туда ходить, – строго сказал он, глядя на меня.

– Сам же пришел сюда. Как говоришь, за мной. А теперь – не ходить?

– Здесь что-то не так. Подростки пропали не просто так: это была хитро спланированная ловушка. И расставлена она была не на них, а на тебя. Я проверил по своим каналам: во всех местах, где пропадали люди, это были лесные ведуньи.

Ледяные пальцы сдавили мне горло. Леший говорил про чужеродный туман, застилающий память, а Гордей – про ловушку для ведуний. Может, непреодолимая тяга и туман – начало той самой западни, в которую попадали другие?

И тут мне стало жалко ребят. Я их не знала, но за молодежь всегда переживала. А уж как оказалась сама в молодом теле, да узнала, что это друзья мои были, еще сильнее стало больно. Ловушка была для ведуньи, а попались в нее обычные дети. Нет, совсем мне это не нравится, да и не по-человечески это – друзей в беде бросать.

– Нужно туда пойти. Только подготовиться надо хорошенько. Веточку полыни сжечь перед тем, как ступить на берег озера.

– Возвращаемся?

Я только головой помотала.

– Нет у меня дома трав таких.

Да и никаких нет. А я еще Мирославе обещала укроп для ребенка взять. Да и вообще надо посмотреть, чем эта баба Яга богата: может, разживусь другими травами, нужными в хозяйстве. Я ж еще с детства помню – бабушка моя травни-

цей была, много рассказывала про народную медицину.

– Надо идти к бабе Яге.

Сама сказала – и быстро на Гордея взглянула. Не засмеет ли? Вдруг в его столичной сказке таких не бывает? Но нет: лишь покачал головой да согласно кивнул.

– Странная ты, Аленка.

Я вскинула на него вопросительный взгляд. Неужели заподозрил что-то? Смотрю на него, а у самой сердце бешено заходится от страха.

– Много про тебя слышал, прежде чем приехать. Много про тебя говорили: про отсутствие знаний лесных ведуний, про то, что обязанности не соблюдаешь, про истеричность да характер заносчивый.

И главное – сказал и стоит, смотрит. Словно реакции моей ждет. А чего ждет-то? Истерики? Не помню я уже, как истерики закатывать. С первым мужем закатывала, со вторым научилась подход другими способами искать. Вот и стою – смотрю на него.

Главное – не моргнуть первой.

– К Яге надо идти, – повторила я.

– Кто такая? – согласился перевести тему Гордей.

Память начала выдавать то, что я знала: костяная нога, ступа, избушка на курьих ножках. И цена, которую данная сказочная личность запрашивала за свои услуги.

– Она знает многое о лесе, может заглянуть под воду и дать то, что позволит подойти к озеру. Вот только плату она

обычно запрашивает...

Я посмотрела исподлюбья на Гордея, но тот, видать, совсем не читал сказок в детстве.

– Что просит? – поторопил меня Гордей.

– Обычно она добрых молодцев на лопату сажает да в печь засовывает.

– Непрактично, – не моргнув глазом, ответил мой сыскарь.

Я бровь вздернула. Этот сухарь столичный и бабу Ягу мерить по эффективности будет?

– Такой подход даст мало, в первую очередь этой пожилой женщине. Можно запросить золото, товары или пропитание.

– Вот ты и будешь пропитанием, – зашипела я, разворачиваясь и шагая обратно.

На этот раз я вела его по звериным тропам, едва заметным посреди снега. Он шел след в след, стараясь не ступить в сторону. Молчание было напряженным, но уже менее неловким. Когда злишься, остается мало времени на расшаркивание.

Когда мы вышли из леса, стало уже темно. Окна моей избы светились теплым желтым светом. Неужели забыла свет выключить? Хотя какой там свет в избе-то?..

Глава 10

– Мирослава?

Когда я открывала дверь, у меня было какое-то нехорошее предчувствие. Нет, я не думала, что ко мне забрались грабители. Грабить будут только свои, а все свои в курсе, что у Аленки дом запущен и пуст. Но вот предчувствие было недоброе.

Девушка подняла голову и радостно мне улыбнулась, откинула косу и с интересом посмотрела на Гордея.

– А я немного прибраться решила, порядок навести. Гости у тебя, а дом не обжит, к людям порядочным не приспособлен.

И вот во мне вздыбилась девичья гордость – руки зачесались космы ей поотрывать. А сама думаю: права ведь она. Дом запущен хуже некуда, самой тошно было бы жить, не то что гостей приводить. Ничего я не сказала, прошла в дом да посмотрела на труды ее. Девушка хорошо постаралась: пол был вымыт, в печи чугунок покряхтывал, а на столе уже тарелки стояли да крынка с молоком.

– Благодарствую, Мирослава, – сказала я, оглядывая дело рук ее. – Ты столько сделала для меня, а Митяйку-то где оставила?

Засмущалась отчего-то девушка, взгляд отвела, стала руки полотенцем вытирать.

– Да с Димитром оставила.

Склонила я голову набок, глядя на нее. И житейская моя мудрость подсказывала, что не все ладно в ее словах.

– И Димитр так просто отпустил тебя к местной ведунье, которую только сегодня за шиворот к колодцу отволокли?

Совсем пятнами красными покрылось ее лицо, взгляд еще ниже опустился. Рядом стоял Гордей и с интересом наблюдал за нашим разговором. Так увлекся, что даже валенки не снял – с них сейчас ручьем снег на пол стекал.

– Он хороший, – проговорила она.

– Хороший. – Кивнула я, обходя комнату и садясь за стол.

– А Димитр у нас кто? – не вовремя встрял в разговор Гордей.

Мирослава оживилась, щеки разрумянились, постыдные пятна прошли.

– Так купец он, возит товары на рынок да почтовые посылки.

– Почтовые, говоришь? – задумался он на секунду. – А где дом твой?

– Так вон, на соседней улице, с красным петушком.

Гордей, не заходя в дом, снова накинул тулуп и открыл дверь.

– Скоро вернусь. Вы тут по-женски поболтайте, а мы там по-мужски.

И вышел. Посмотрела я на девицу, а она глаз с двери не сводит.

– Димитр, – напомнила я ей о муже. Она тут же встрепенулась, дернулась да глаза отвела от двери. – Сидит сейчас с ребенком?

Она кивнула.

– Хороший отец.

– Хороший. А чего у тебя дом не украшен?

Я осмотрела избу – украшений и правда не было.

– А праздник-то какой?

– Так Коляда же скоро! – Мирослава смотрела на меня как на ненормальную. – Ты что, жениха встретить не хочешь?

После двух мужей как-то не хотелось. Но не признаваться же ей в этом, поэтому я просто пожала плечами. Но Мирослава так легко не сдавалась, и я еще долго сидела на лавке, выслушивая лекции о том, как нужно обзавестись мужем и как в деревне без мужика плохо. Знаю, слышала. Вот только она с нашей советской закалкой не встречалась. А уж коли мне дан второй шанс, то свою жизнь на стирку чужих трусов я спускать не намерена! Но приходилось сидеть и слушать, чтобы подозрений не вызывать.

– В самую темную ночь ты должна подойти к окну и посмотреть на улицу. Среди узоров ты увидишь лицо своего суженого!

Я продолжала сидеть на лавке, подтянув колени к груди, и пыталась не заснуть от нудных наставлений Мирославы. Разговоры о том, что нужно найти мужа, причем обязательно зимой, чтобы весной уже свадьбу сыграть, утомляли. И вот

уже второй час я слушала, как правильно выбирать мужа – ночью, через промерзшее окно.

Хоть бы Гордей быстрее вернулся.

– Мирослава, – не выдержала я, – это же глупость. Ночью в окно ничего не видно.

– А вот ты иди и посмотри.

Я нехотя встала, сунула ноги в валенки и подошла к окну. Сквозь мутное стекло я четко видела две вещи: ночь и ни одного жениха. Правильно, какой идиот будет ходить в трескучий мороз ночью по улице? Да и кому нужен жених с отморозенными причиндалами?

Но я продолжала стоять у окна. Так было удобнее: Мирослава думает, что я жениха высматриваю, и не будет приставать с глупыми расспросами. Да и смотреть, как ночью деревня укрывается толщей снега, тоже было интересно.

А деревня к вечеру погрузилась в тихий сумрак. Над избами легла мягкая темная пелена, и лишь в редких оконцах теплились огоньки – словно последние угольки домашнего очага, сторожившие покой хозяйских душ. Птицы давно спрятали головы под крыло, умолкли, а деревья, нахмутив голые ветви, стояли настороженно, вслушиваясь в дыхание ночи.

Над землей разливалась глубокая тишина – сама Матушка-Ночь накрыла все вокруг своим теплым, лоскутным покровом. Но вот – чу! Раздался легкий хруст под ногами.

Зима шла по деревенским околицам – неспешно, велича-

во. Она трогала лапы елей, вздымая с них серебряные перья инея, гладила пересохшие колодезные жерди, намораживала тропинки от избы к избе. Подол ее белой, пушистой свиты шелестел по утопанной земле, и на месте каждой лужицы рождался зеркальный лед. Мороз крепчал, термометры в окнах медленно ползли вниз – все встречало свою давно ожидаемую владычицу.

На плече у Зимы висела большая заплечная котомка, расшитая серебряными нитями. В ней хранились морозные духи с запахом рассветной стужи, сосульки разной длины, вьюжная мука. Похоже, крышечка одной скляницы была плохо закрыта, и потому за владычицей тянулась легкая метелица – белый шлейф, что разносился по тропам, засыпая крылечки и изгороди.

Я потеряла глаза, вглядываясь в темноту ночи. Показалось. Ведь показалось же? Не может же посреди ночи по улице ходить женщина в одном платье. Мороз на улице лютый, даже скотину не выгоняют, а тут – без валенок, без шубы, в одних черевичках. Я снова потеряла глаза, но образ женщины пропал.

Вот привидится же. Это от постоянного высматривания женихов, не иначе. Надо завязывать с этим и браться за работу.

Глава 11

Я шагнула в сторону от окна, но образ женщины в белом платье снова показался.

Нет, ну так совсем не пойдет! Какая-то ненормальная фифа из столицы приехала да пошла шляться по улицам. Небось невеста этого Гордея за ним потащила в наши дебри. А мне потом что? Поутру бежать, багром вылавливать красотку из реки? Ни за какие коврижки – я завтра выпататься хочу!

Я схватила дубленку, сунула ноги в валенки, накинула платок на голову и выскочила за дверь. Колючий ветер бросил в лицо иголки снежинок. Свет шел только из окон домов, поэтому женщину было сложно разглядеть, но я заметила длинный подол белого шлейфа, скрывшийся за ближайшим домом. Поправив платок, бросилась в ту сторону.

Перед поворотом поскользнулась и растянулась на дороге, проехав по раскатанному льду. Перечислив всю деревенскую детвору, которая устроила здесь целый каток – поименно и по батюшке, – поднялась на ноги, но тут же шлепнулась снова.

Просто потому, что колени подкосились.

Не каждый день увидишь, как по дороге бежит круглый белый шерстяной комок. Да и шерсть у него была такая густая и пушистая, что я невольно запахла дубленку – от ко-

роткого ворса особого тепла не было.

– Нашел его? – спросила женщина мохнатого звереныша.

Тот только покачал своей большой пушистой головой и понуро ее опустил.

– Этого старого идиота нужно срочно найти! – гневалась женщина, поцокивая каблучком по ледяной глыбе, на которой стояла. – Чую, что он где-то здесь! Найти и вернуть! Устроил себе, видите ли, отпуск. Да в какое время? Мало ему летних месяцев?! Нет, надо было сейчас все бросить!

Я вжалась в ближайший сугроб, с интересом разглядывая незнакомку. Кажется, ей совсем не было ни холодно, ни страшно. Зверя она не боялась, обращаясь с ним как с домашним питомцем. Интересно, кого она потеряла?

– Я ему устрою... потом, когда вернется. А сейчас давай все проверим.

Она развернулась – и вокруг разлетелась снежная вьюга.

– Ты подготовил околицу и старый хутор?

Маленький пушистик опустил голову и виновато потерся носом о подол ее платья.

– Тогда поспеши. Возьми сосульки из моей котомки и укрой ими колодцы да заборы. У часовенки Святой Ксении насыпь побольше мягкого снега – она любила, когда ее кутали в белое тепло. На мельничных крыльях прихвати мороз, укрепи их. А на речку лед нагони – пусть успокоится, путникам путь верно держит.

Она поставила котомку на землю. Зверек юркнул внутрь:

что-то зазвенело, загремело – и через миг он уже стоял с полным набором волшебных принадлежностей. Махнув хвостом, он стрелой метнулся к заносам.

– А теперь проверю соседние деревни, – сказала женщина, повернулась вокруг своей оси и тут же исчезла. На ее месте остался лишь вихрь белых снежинок.

Я натянула съехавший валенок и подошла к месту, где она стояла. Даже следов от туфелек не осталось. А может, их уже замел снег.

– Ты что на морозе делаешь? – раздался за спиной знакомый голос, и твердая рука ухватила меня за локоть, пытаюсь оттащить к дому.

– Пусти! – отбивалась я. Так хотелось найти хоть одну деталь, доказывающую, что женщина в платье была здесь. Но ведь скажешь кому – не поверят.

– Ты чего здесь делаешь? Метель разыгралась, дорогу домой потом не найдешь!

– Тебя о том же хотела спросить, – огрызнулась я, направляясь к берегу реки. Кажется, женщина отправила существо к околице.

– Куда ты, дуреха? Заблудишься!

Но я продолжала идти, несмотря на метель. Я почти дошла, но Гордей схватил меня за руку и силой потащил обратно.

– Отпусти! – пыталась вырваться я, но он держал крепко и упорно тянул к дому. – Там женщина в платье. Ты никого

из своих девушек здесь не ждешь?

Гордей остановился, посмотрел на меня, протер рукой щеки, залепленные снегом, потом приложил ладонь ко лбу.

– Вот находятся же такие... потом от лихорадки лечи.

Он снова потащил меня, но я уперлась и указала вперед, где уже виднелась кромка воды.

– Вон! Теперь ты мне веришь?

Вот только на берегу была не женщина, а тот самый мохнатый зверек. Он спустился к самой воде, где между двух камней шумел темный холодный ручеек. Зверек вынул прозрачный шарик и бросил его в воду – тот зашипел, словно горькое зелье, и ушел в глубину.

Зверек отпрянул – и тут же по глади поползли тонкие морозные паутинки. Они тянулись одна к другой, срастаясь в прочные льдины. Те напоззали, утрамбовывались – и вскоре река легла под ледяным панцирем.

Зверек достал легкую инеевую шаль и набросил ее на мельничный шест. Дерево тихо скрипнуло, и по нему пополз серебристый иней. То же он проделал и со вторым крылом мельницы.

– Этот-то как здесь оказался? – перекрестился Гордей, сняв шапку.

Но тут же водрузил ее обратно, схватил меня в охапку, перекинул через плечо и потащил к дому.

Глава 12

Тепло избы обожгло обветренные щеки, заставило заслезиться глаза от жаркого пламени печи. Я видела их. Женщину в легком платье, странного зверька, создающего зиму. Это был точно не сон, а Гордей знал, что это за зверь. Его удивление не было таким, как у меня, не тем, что бывает, когда впервые сталкиваешься с чудесами. Он точно знал его, но был поражен увидеть именно здесь. Я моргнула, смахивая выступившие слезы, и вдруг почувствовала: в доме что-то не так.

Не было слышно разговоров Мирославы, которая сейчас должна была укорять меня за то, что я выскочила на улицу не одевшись. Я протерла глаза и увидела Ласку – она лежала на полу, поджав переднюю лапу. Рядом, на корточках, сидела Мирослава, вцепившись ей в лапу. Возле них валялись осколки. Откуда они только взялись в этой избе? Ничего стеклянного я здесь не видела.

Алая кровь расплывалась по половичку, оставляя бурые пятна. Но беспокоило меня не это. Вокруг раны клубилось нечто осязаемое – черно-сизый туман, обволакивающий лапу. Я видела, как из него тянулись нити, похожие на паутину. Я понимала, что вижу это только я и что помогает мне в этом зрение лесной ведуньи. Но как ни копалась в памяти, знаний не хватало, чтобы понять, что это и как с этим бороться.

– Не трогай ее! – крикнула я, увидев, как Мирослава снова тянется к лапе.

Мой голос прозвучал чужим и резким. Мирослава обернулась – в ее глазах был испуг, но без слез. Она быстро отдернула руку и поднялась нам навстречу.

– Она заскочила в дом, я даже не заметила как, – затараторила она. – А потом порезалась. Видимо, у тебя гвоздь где-то торчит или нож валяется без присмотра.

Но я ее уже не слышала. Мое зрение показывало, как эта скверна расползается по дому, перебирается на стены и пол, стараясь захватить все больше пространства. Прямо в валенках, оставляя мокрые следы, я подбежала к Ласке. Та жалобно посмотрела на меня, и сердце сжалось. Я всегда любила животных, а сейчас буквально чувствовала ее боль. Видимо, так и работает магия лесных ведуний – у Аленки была прямая связь со всем живым.

Меня отвлек шипящий звук. Кусок снега отвалился от валенка и упал прямо на скверну. Та зашипела и исчезла. Я огляделась, схватила ковш, стоявший на плите, и плеснула водой на порог. Скверна снова зашипела, и в ее полотне появилась дыра. Размахивая ковшом, я бегала по дому, поливая пол и стены, пока все вокруг не промокло – включая Гордея и Мирославу – и в избе не осталось ни следа скверны.

– Что это было? – спросил Гордей.

Я опустила рядом с Лаской, осматривая лапу. Черных нитей больше не было, но выглядела она плохо. Такое нуж-

но зашивать и обеззараживать, а у Аленки – то есть у меня – не было ни трав, ни даже простого пластыря. Ласка слабо ткнулась мордой мне в колени. Ее шерсть пахла снегом и дымом. Я погладила ее по голове, ощущая под пальцами мягкий шелк.

Мирослава стояла рядом, заломив руки, и что-то бормотала – о ребенке, о доме, о невозможности выбора.

– Иди, – резко сказала я, подняв голову. – Димитр будет волноваться, что тебя нет в такую метель. Не заставляй мужа оставлять ребенка одного и выходить тебя искать.

Она словно очнулась, схватила шубу и выскочила за дверь. Когда стихли ее шаги, в избе воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев да тихим постукиванием Ласки.

Гордей поднял собаку и перенес ближе к печи. Ее тело было безвольным и слишком легким, словно из нее вытянули часть жизни. Когда мои пальцы коснулись раны, я почувствовала пронизывающий холод и резкий укол. Я закрыла глаза, пытаюсь найти в себе живительную силу, но ощущала лишь покалывание, исходящее от раны. Самоучка.

– Не получается, – сказала я, убирая руки. – Это порча. Или что-то хуже.

– Может, твоя баба Яга знает? У нее, наверное, есть книги. Книги! Меня словно молнией ударило. Я ведь видела несколько – тогда еще подумала, что можно будет почитать перед сном. Вряд ли Аленка зачитывалась любовными ро-

манами. А раз она ведунья, книги у нее должны быть.

Я бросилась к старому сундуку, откинула крышку и заглянула внутрь. Среди вещей, поверх старого платья, лежала книга. От нее тянулись черные паутинки – слабые, будто она сама сопротивлялась скверне. Обернув руку полотенцем, я достала ее. Кожаный переплет был шершавым под пальцами.

Я листала страницы, пока не нашла нужное. «О болотной гнили, наведенной злым умыслом», – гласила надпись.

Дрожащими руками я вчиталась в неровный почерк. Писала явно не молодая девушка, а женщина в годах. Видимо, книга досталась от старой ведуньи – или от матери Аленки.

«От озерной скверны поможет лишь корень папоротника, собранный в Купальскую ночь, да плакун-трава, что у избушки Яги растет. Растолочь, добавить студеной воды и использовать от начала дня до первых петухов».

Да уж, со сроками тут беда.

– Надо идти к бабе Яге, – вздохнула я. Ласке становилось хуже с каждой минутой.

– Сейчас? – Гордей скептически посмотрел на меня, затем в окно, куда метель швыряла хлопья снега.

– Мы попросим ее дать нам пройти.

Он повернулся ко мне, и по его взгляду было ясно, что затеяла я не совсем умную вещь.

– Только не говори, что ты не понял, о ком я, – отрезала я. – Ты узнал того зверька у реки. Значит, и женщину знаешь. Так что перестань валять дурака. Собирайся. Пойдем.

Перед выходом я подошла к Ласке и погладила ее по голове, чувствуя, как тепло уходит в холод.

– Мы скоро вернемся, – прошептала я.

Глава 13

– Через болото?

– Через болото. – Кивнула я, ступая на нетвердую почву, которая чуть колыхнулась под ногами.

Где искать бабу Ягу, я не знала. Но вспомнилось, как когда-то на занятиях йогой объясняли, как находить контакт со своим внутренним «я». Тогда казалось ерундой, а вот поди ж ты – пригодилось. Я шагала по лесу с твердым ощущением, что иду именно туда, куда нужно.

Нет, в голове уверенности не было вовсе. Мозг отчаянно вопил, что ты, Алена Александровна, прешь совсем не туда, куда порядочным девушкам ходить следует. Заведешь Аленку неведомо куда – спасибо она тебе, если вернется, не скажет. Но внутренняя, почти телесная уверенность тянула меня по кромке леса – туда, где терялись следы, деревья росли гуще, а земля под ногами становилась все более зыбкой.

Туман сгущался. Я почти не различала деревья впереди, пару раз едва не налетела на стволы. Когда в очередной раз чуть не расшибла лоб, Гордей взял меня за руку и пошел первым, выставив руку вперед.

– Магия здесь не действует? – спросил он, в третий раз отдергивая ладонь, наткнувшуюся на твердый ствол.

– Это не Заповедный лес, где я хозяйка. Это владения Яги, а она умеет оберегать себя от непрошенных гостей. А то много

вас таких – магов недокормленных – шастает, – припомнила я предания русских народных сказок.

Туман резко рассеялся, выбросив нас на круглую поляну. В центре стоял не домишко, а настоящая избушка на курьих ножках. Ноги были костлявые, обледенелые и... одетые в длинные вязаные гетры. Избушка медленно, почти незаметно переминалась с ноги на ногу, поскрипывая суставами.

Я невольно проверила свои – если тело Аленки и не давало мне ума и опыта, то здоровьем оно обладало в полном комплекте. В окне, затянутом то ли туманом, то ли льдом, горел бледно-синий огонек.

Воздух здесь был не морозным, а спертым, густым, пропитанным запахом сушеных трав и чем-то приторным. Метели не было, но эта нереалистичная тишина пугала сильнее вся взбунтовавшейся выюги. Лишь размеренный скрежет – будто кто-то точил косу – нарушал покой.

Я сделала шаг вперед, но Гордей резко дернул меня за руку.

– Надеюсь, ты не собралась туда идти?

Он указал на землю перед крыльцом. Снег там был сероватый, припорошенный пеплом. На нем отчетливо виднелись мелкие когтистые следы, петлявшие из стороны в сторону. Само крыльцо было высоким и кривым. Издалека казалось деревянным, но вблизи можно было разглядеть спрессованные кости и черепа, скрепленные черным льдом.

– Проходи, не стесняйся, добрый молодец, – заскрипела

избушка старческим голосом, приседая и давая возможность подняться. Дверь распахнулась, выпуская волну тепла.

Следом раздался голос, совсем не похожий на тот, которым добрых молодцев обычно зазывают:

– Да что за мужики пошли?! Вечно на пороге топчутся, все тепло из избы выпускают!

В проеме показалась девичья голова с двумя длинными косичками.

– Аленка, ты, что ль? Чего встала, голова непутевая, заходи давай!

Девчонка исчезла. Я посмотрела на Гордея, удивленно моргающего, и начала подниматься. В конце концов, если кого здесь и съедят, то точно не меня.

Внутри было тесно: все заставлено склянками, завешано пучками трав и сушеными кореньями. В углу пылала печь с открытой заслонкой, тепло вырывалось наружу, обогревая избу. Гордей зашел следом, но, увидев печь, сделал шаг в сторону. Я лишь хмыкнула и прошла дальше.

Девчонка перед нами совсем не походила на сказочную Ягу. Лет шестнадцать, не больше. Две русые косы рассыпались по плечам, щеки румяные, на ней простой сарафан.

– Аленка, ну наконец-то!

Она подскочила ко мне, хотела обнять, но вдруг остановилась и принюхалась. Веснучатый нос сморщился.

– Ты какая-то не такая. Не собой пахнешь. Лесом пахнешь, деревней... и еще чужаком.

Она внимательно посмотрела мне в глаза.

– Куда твоя тоска делась, печаль? Ты их раньше с собой носила, лелеяла. А теперь... – она взглянула на Гордея и понимающе улыbnулась. – Чужака притащила. Ясно.

Она обошла меня кругом, словно ощупывая взглядом, затем так же обошла Гордея, скептически его оглядывая.

– А это что за птица? – ткнула она его пальцем с грязным ногтем. – Пахнет железом, чернилами и невоспитанностью. В лесу ему не место – ни в моем, ни в твоём. Землю мою тяжёлым сапогом давит. Уходи, чужак. Печь не для тебя топлена, угощение не для тебя сварено.

Она указала на топку печи и лопату рядом. Я хмыкнула: про сапог – верно, а про лопату я ему уже рассказывала, должен бы бояться. Но лицо его осталось непроницаемым – ни тени страха.

– Я пришел с ней и уйду только с ней.

Яга фыркнула и отвернулась.

– Ну ладно, герой. Смерти ищешь – твой выбор.

Она махнула рукой, будто отгоняя комара, и повернулась ко мне. Детская непосредственность исчезла, и передо мной стояла уверенная в себе женщина – хозяйка избы и отведенного ей леса.

– За травами пришла, знаю. Пес твой у порога подышает от скверны. И дитя человеческое чахнет от того же морока. Я встретила ее взгляд спокойно.

– Собака не моя, но подышает – верно. А ребенок... у груд-

ничков часто живот болит. Но травы мне нужны, тут ты права.

Яга смерила меня взглядом и ухмыльнулась.

– Другая ты стала, Аленка. Не такая, как прежде. Вот до чего баб русских мужики меняют.

Она подмигнула Гордею, затем ловко, по-беличьи, взлетела на полки и стала срывать пучки трав. Один упал к моим ногам, источая пряный, знакомый запах.

– Полынь горькая. Жечь ее надо, дымом рану окуривать. Кровь остановит, плоть очистит, нечисть выгонит.

Она спрыгнула и сунула мне сверток.

– Корень папоротника. Это тебе, если решишься говорить с Водяным. Под язык клади – защитит от чар, но ненадолго.

– Думаешь, Водяной причастен к тому, что происходит на озере?

Яга пожала плечами.

– Вся чернь оттуда идет. Озеро – не твоя вотчина, Аленка. Там Водя хозяин. Но он на тебя зол. Ты ему отказала, когда он свиданий просил? Честь речную задела. А русалки после того, что ты с их волосами сотворила, и близко к реке не подпустят – утопят раньше. С Водяным говорить придется на коленях, прощения просить.

Вот и еще одному мужику я, выходит, насолила – и даже не помню как.

– Спасибо тебе, Яга. Не ожидала.

Я уже собралась уходить, как дверь захлопнулась прямо

перед носом.

– А платить кто будет?

Я обернулась.

– Отдай-ка мне своего красавчика, – улыбнулась Яга и подхватила Гордея под локоть. Тогда и скажу, как домой вернуться.

Глава 14

Нет, я была бы, наверное, даже не против отделаться от незваного гостя, но есть одна незадача: своих не бросаем. Во мне этот принцип закрепился настолько плотно, что даже через сильное «не хочу» парня здесь не оставлю. Это, как говорится, между нами девочками.

Вот только столичный красавчик совсем не испугался. Стоял спокойно, словно его каждый день девушки заманивали да на ночь у себя оставляли. Хотя, если вспомнить нашу столицу, все возможно. Он лишь чуть напряг мускулы – и только. И смотрит на меня, что же я делать буду. А я челюсти сжала и процедила так, чтобы и Яга эта доморощенная поняла, и столичным неповадно было думать, что за них заступятся:

– А это не мое, чтобы отдавать.

– Ах,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.